

ВЕЛИЧИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА

Оригинально и неповторимо актерское дарование Николая Симонова. Мощь и красота человеческого духа, душевное величие, ненасытные поиски истины — вот что отличает лучшие образы, созданные народным артистом СССР Н. К. Симоновым.

Монуменальность, живописность внешнего облика актера всегда в гармонии с громадной внутренней силой его героев. Неудержимость темперамента и тонкость в раскрытии внутреннего мира человека — это, очевидно, и есть то, что называют обаянием симоновского таланта.

Недавно телезрители Карелии видели Николая Симонова в роли Ивана Северьяныча Флягина в спектакле Ленинградской студии телевидения «Очарованный странник». Николай Симонов, подобно герою Лескова Флягину, на всю жизнь был очарован красотой и силой человеческой души. И со всей щедростью отпущенного ему природой таланта Симонов стремится передать людям свою глубокую очарованность, свою заинтересованность жизнью человека.

Почти 40 лет радует советских людей искусство Николая Симонова. Весной 1924 года, окончив Институт сценических искусств в Ленинграде, он был принят в труппу Александринского театра (ныне Академический театр драмы имени А. С. Пушкина). С тех пор имя Н. К. Симонова неразрывно связано с историей этого театра. Здесь он выступил в ролях Братишки, военкома Механосева, Вершинина, Бориса Годунова, доктора Астрова, Федора Протасова, Сатина, Сальери, Маттиаса Клаузена.

Это перечисление далеко не полно. Здесь названы самые значительные, са-

мые совершенные работы актера с точки зрения и теоретиков театра, и зрителей. Интересно, а какие из ролей, сыгранных на сцене, больше всего запомнились самому артисту? С этого вопроса и начинается наша беседа с Николаем Константиновичем Симоновым, гастроль которого проходят сейчас в республике.

— Сатин, — чуть помедлив, Симонов добавляет, — Сальери, а также Маттиас Клаузен из «Перед заходом солнца» Гауптмана. Сальери и Клаузен — это из самых последних работ. Ну и, конечно, Федор Протасов.

— «Живой труп», в котором вы исполняете роль Федора Протасова, был поставлен режиссером Кожичем?

— Да, Кожичем. Мне очень многое дала работа с этим крупным режиссером.

Спектакль «Живой труп» в постановке В. Кожича и с Симоновым в роли Протасова был снят на киноленту, благодаря чему к тысячам ленинградских зрителей этого замечательного произведения прибавилась многомиллионная аудитория во всех краях нашей страны. Это была уже не первая роль, сыгранная Н. К. Симоновым в кино. Кстати, а какая роль была первой и когда это было?

— Давно, — улыбается артист. — Сорок лет назад. Еще в эпоху немого кинематографа. Я сыграл тогда партизана Долгова в фильме «Красные партизаны».

В эпоху «Великого Немого» я снимался в картинах «Каин и Артем», «Кастусь Калиновский», «Сын рыбака». В последней я играл роль Михайлы Ломоносова.

Звуковой кинематограф для меня, как артиста, — это прежде всего Петр Первый в двухсерийном фильме режиссера В. Петрова «Петр Первый». Играл я взводного Жихарева в «Чалаеве», и кардинала Монтанелли в «Оводе», и некоторые другие роли.

Чаще всего симоновские герои — это крупные, незаурядные люди. Значителен их внутренний мир, тонка их душевная организация. Как настраивается актер на «волну» героя, которого ему предстоит оживить на сцене, что служит ему первым толчком в работе над ролью?

— Вы говорите

«настраивается», — Симонов постукивает пальцем по краю стола. — Что ж, это пожалуй правильно. Только надо добавит — и настраивается, и настраивается. Актер, подобно пианисту, созда-

тель, исполнитель-создатель произведения. Но в отличие от пианиста он сам одновременно и инструмент. И инструмент этот должен быть правильно настроен.

Как это делается? В разных случаях по-разному. Рецептов тут нет. Да и у одного и того же артиста этот процесс «настройки» начинается тоже неодинаково. Сужу в данном случае по себе.

Когда я работал над образом Сатина в горьковской пьесе «На дне», мне очень помог... Роден. Да, да, не удивляйтесь, выдающийся французский скульптор Роден. Помните его скульптуру «Бальзак». Именно роденовский Бальзак натолкнул меня на мысль приподнять, укрупнить Сатина в четвертом действии, сделать более вескими, значительными его гордые слова о Человеке.

Репетируя роль Маттиаса Клаузена, я перечитал (совсем не в связи с этой работой) роман Келлермана «Братья Шеллебергер». И финал этого романа помог мне найти правильное самочувствие в сцене смерти моего героя Клаузена. Не раскисание, не поражение, а несомненность духа, силу — вот что постарался я передать в этой сцене.

На помощь актеру, работающему над ролью, приходят и музыка, и живопись, а — главное — жизнь. Из реальной жизни черпают свои наблюдения, учатся у жизни все актеры.

Николай Константинович только что сказал, что к актеру на помощь приходят и музыка, и живопись. А какое искусство, разумеется, не считая актерского, наиболее близко самому Симонову?

— Живопись. — Ответ Симонова категоричен. — Видите ли, я учился живописи в Самаре на вечерних курсах художественно-промышленного училища и позже в Петрограде в Академии художеств у крупного живописца А. Рылова. В 1922 году я оставил академию и поступил в Институт сценических искусств. Однако занятия живописью я не оставил. И сейчас с большим удовольствием пишу картины северной природы, ленинградские пейзажи, портреты. Иногда это мое увлечение помогает мне и как актеру. Так, в большинстве случаев я сам делаю эскизы костюмов своих героев.

И в заключение беседы следует традиционный вопрос — Ваши творческие планы?

— Ближайшие роли (планы актера это роли, не так ли?) в театре — Дюжев в инсценировке романа Б. Полевого «На диком берегу» и Арбенин в «Маскараде» М. Лермонтова.

Пожелаем же нашему гостю, отмечающему весной будущего года сорокалетие своей сценической деятельности, по-весеннему молодо и щедро продолжать свое служение искусству, людям.

А. САМОЙЛОВ

Н. К. СИМОНОВ.